

Театр БЕЗЖАЛОСТНАЯ ПРАВДА БРЕХТА

После прекрасного спектакля «Коварство и любовь» Шиллера Дюссельдорфский драматический театр показал на малой сцене театра имени Руставели свой второй спектакль — «Мещанскую свадьбу» Б. Брехта.

Эта ранняя пьеса Б. Брехта написана по законам аристотелевского театра. В ней еще нет тех качеств, которые свойственны более поздней драматургии Брехта, ее театральные идеи находятся в процессе становления, но, несмотря на это, в этой неприятельской истории уже просматриваются основные тенденции его эпического театра. Первым делом это относится к выбору цели, на которую направлен самый жестокий удар драматурга, — свадьба, одна из важнейших вех в жизни человека, торжество, где два любящих сердца должны быть скреплены на вечные времена, — безжалостной рукой драматурга превращена в фантасмагорию духовной деградации человека-обывателя, который и является, по мысли Брехта, той почвой, на которой в XX веке расцвели самые страшные цветы зла, которых никогда не забудет человечество.

За свадебным столом по воле драматурга собралось девять человек. Три пары. Первая пара — отживающие свою бесцветную жизнь мать жениха (Д. Латтермани), единственная радость которой — в домашней возне, в приготовлении пищи, и склеротичный отец невесты (В. Майер), которому осталось вспоминать бесцветные истории и преподносить их слушателям почти как библейские сказания. Гости молодых — супруги (Д. Хиллебрехт, В. Шлизке), которые еще не так стары, но в их совместной жизни не осталось и крупицы любви, а только ненависть и злоба друг к другу, и от этого — желчь на весь белый свет.

Жених и невеста (П. Зимоник, Ш. Шваб), которых все это ждет не в далеком будущем, а сегодня же, после ухода гостей, и которые прекрасно знают об этом, скотски напиваются, и стол, загроможденный едой и залитый вином, превращается для них в брачное ложе.

Еще моложе них глупенькая сестра невесты (Г. Тиниг) и туповатый сын домовладелицы (У. Замель), которые при всех бесстыдно отдаются похоти, видя, как несчастливы вокруг них люди, и зная, что их ожидает. И единственный бунтарь — друг жениха (Н. Ханзен), бунт которого не ме-

нее пошл, чем все окружающее.

Полное отсутствие моральных устоев, зависть друг к другу, низкие духовные интересы — ужасают. Единственный раз заговаривают герои об искусстве (это же принято), и по воле драматурга они говорят о пьесе самого Брехта «Вааг», что вызывает самую неподдельную реакцию отца, который, брызгая слюной, кричит: «Эта пьеса — свинство! Вам не следовало смотреть такие пьесы, эти современные авторы всегда вываливают в грязь именно семейную жизнь. А ведь это самое лучшее, что есть у нас, немцев». Это совсем не смешно, потому что говорит об этом человек, у которого семья вывалена в самом, что ни на есть, распрекрасном дерьме!

Беспросветная картина, нарисованная Брехтом, но оптимизм се в том протесте, который рождается в нас против этих людей, с которыми необходимо бороться ежедневно, ежеминутно.

Остроумно найденная фабула пьесы (всю мебель в доме сделал сам жених, и на протяжении всего спектакля мы видим, как ломаются стулья, столы, шкафы) — метафора Брехта достигает цели: мещанин не может создать никаких ценностей, ни духовных, ни материальных.

Спектакль поставлен (режиссер Михаэль Грунер) с хитринкой, с двойным дном, в форме бытовой комедии. Он скорее смешит, чем ужасает, но это во время спектакля, а после, когда ты начинаешь думать, понимаешь, что никакая это не бытовая комедия, это безжалостная правда о самом страшном зле XX века.

Хочется вспомнить о том, что Вахтангов хотел поставить «Свадьбу» Чехова одновременно с «Пиром во время чумы» Пушкина. Мне кажется, Бертольт Брехт написал пьесу «Пир во время чумы», где настоящей причиной «чумы» он назвал обывателя.

Я хочу пожелать прекрасному театру из Дюссельдорфа, его руководству и прекрасным актерам, которые так порадовали нас, тбилисцев, больших творческих успехов.

Спасибо, друзья!

Роберт СТУРУА.

НА СНИМКЕ: сцена из спектакля. В центре — Жених — Петер Зимоник, Невеста — Шарлотта Шваб.

Фото Б. Кекелидзе.

